

Валерий Арзуманов

Музыкальная автобиография

Воркута

Самые глубинные музыкальные впечатления связаны с мамой. Она часто тихонечко напевала, особенно за рукоделием. В моих ушах отпечатались какие-то простенькие колыбельные, русские городские песни и, наиболее сильно, старинные романсы - такие, как "Наш уголок", "Минуточка"...

Следующий музыкальный пласт связан с отцом. Он был мандолинист-любитель. Нот, впрочем как и мама, не знал. В Воркуте, где мы жили в ссылке с 47-го года, он стал играть дуэтом с немцем-гитаристом с Поволжья, Эрихом Германовичем Дерингером, тоже оказавшимся там. Где-то с конца 40-ых, стали подсаживать и меня с мандолиной рядом с ними.

Репертуар был следующим : старинные вальсы ("Дунайские волны", "На сопках Манчжурии"), русские песни 19-го века ("Ермак", "По диким степям Забайкалья", "Степь да степь кругом"), революционные песни, песни гражданской войны. Особенно заполнились песни отечественной войны ("Эх дороги", "Синий платочек", несколько песен Соловьёва-Седова). Часто звучала и "адаптированная", то-есть подобранная приблизительно, на слух, классика : "Полонез" Огинского, "Танец маленьких лебедей" Чайковского, Первый и Пятый венгерские танцы Брамса.

Следующим источником моих музыкальных впечатлений стало кино : "Дети капитана Гранта" с песнями Дунаевского, "Бродяга" с песнями Раджа Капура и песня "Орлёнок" о смерти юного красноармейца в гражданскую войну из одноимённого фильма.

В 1953 году в Воркуте открылась музыкальная школа, куда меня зачислили в класс скрипки Василия Александровича Степанова. Это был очень добрый человек, но он совершенно не занимался со своими учениками. Нехитрые мелодии первых лет обучения на инструменте отпечатались в памяти слабо. Я почти не работал и играл без удовольствия. Родители купили пианино, и я стал бурно импровизировать на этом инструменте, хотя играть практически не умел. Кстати именно благодаря импровизации на тему « Орлёнка », меня примут впоследствии в « Школу одарённых детей » при Ленинградской консерватории.

Концерты музыкальной школы происходили в здании воркутинского театра, в котором играли известные ссыльные артисты. На этих концертах я услышал прочно осевшие в памяти "Поэму" Фибиха в исполнении на баяне Юрия Васильевича Колпайшикова, "Лунную Сонату" Бетховена в исполнении Вадима Антоновича Заволженского, "Мелодию" Глюка и "Импровизацию" Кабалецкого в исполнении скрипача Михаила Самуиловича Меламедова. Все трое были педагогами школы. Запомнилось также участие в качестве скрипача в школьном оркестре. Мы играли первую часть "Неоконченной симфонии" Шуберта и первую часть Второй симфонии Калинникова. Альты, виолончели и контрабасы были заменены в оркестре домрами (включая басовую), а партии духовых исполнялись на баянах. Только эти инструменты вместе со скрипкой и фортепиано преподавались в музыкальной школе. Руководил оркестром директор школы Александр Иванович Николаев. Жена директора, Нина Александровна Цапалова, вела школьный хор. Запомнились итальянская песня "Санта Лючия",

болгарская песня "Труден путь в горах", "Летите, голуби", "То берёзка, то рябина", "Мой Лизочек".

В музыкальной школе я сразу же познакомился с учеником класса фортепиано Борисом Ядровым. Он был на год младше меня. Его отец погиб на войне. Отчим, ссыльный немец Виталий Бихнер, хорошо играл на рояле. Он начал учить приёмного сына. Борис играл "Похороны куклы" Чайковского, я ему сильно завидовал.

Моя сестра Галя училась в медицинском институте в Горьком. В 57-ом году она привезла домой десятка два долгоиграющих пластинок : в основном оркестровую музыку и полностью "Бориса Годунова" на 5-ти пластинках. Я стал слушать эти записи. Самые глубокие следы оставили в памяти Первый и Пятый Бранденбургские концерты Баха, Соль-минорная симфония Моцарта, Пятая симфония Бетховена, Фа-минорный концерт Шопена, "Ночь на Лысой горе" и "Сцена в корчме" Мусоргского, и особенно Вальс из Третьей оркестровой сюиты Чайковского.

Примерно в то же время я услышал впервые настоящий симфонический оркестр. В Воркуту с концертом приехал оркестр Ярославской филармонии, под управлением Юрия Ароновича. Запомнилась Пятая симфония Чайковского. В том же 57-ом году я перешёл в класс скрипки Михаила Самуиловича Меламедова. Он серьёзно занимался со мной больше года, но наверстать упущенное было трудно.

Вот с этим багажом в ушах и в руках я уехал в Ленинград летом 1958 года поступать в "Школу одарённых детей" при консерватории.

Школа

Меня всё-таки чудом приняли в школу, в класс скрипки Марка Михайловича Комиссарова, и факультативно в класс композиции Сергея Яковлевича Вольфензона. В школе было много талантливых учеников. Некоторые из них стали впоследствии ведущими музыкантами страны.

Лучшими по специальности в нашем классе были пианисты Наташа Антонова, Виталик Берзон, Лёня Синцев и скрипач Гриша Жислин. Там же в классе я подружился со скрипачом Славиком Осиповым. Мы с ним поступили и сидели за одной партой вместе. Дружба эта длится и по сей день.

В школе мне сразу же полюбились уроки сольфеджио, особенно диктанты. Их вела Муза Вениаминовна Шапиро. Это была яркая, красивая женщина. Она меня заметила. Это по её совету я решил несколько лет спустя, что буду поступать на два факультета в консерваторию : на скрипичный и на композиторский.

Первые сильные музыкальные впечатления в Ленинграде связаны у меня снова с грампластинками. Это было время пластиночного бума в Советском Союзе. Пластинки стоили дёшево, и я стал их понемножку покупать. Так в 15 лет я влюбился в "Провансальскую сюиту" Дариуса Мийо и в Струнный квартет московского композитора Германа Галынина. Через год последовал "прорыв" в музыку Шостаковича : Шестая, Девятая, Десятая симфонии, "Еврейский цикл", Первый скрипичный концерт и, позже, Четвёртая симфония. Затем я открыл для себя Прокофьева : Пятую симфонию, Седьмую, Первый скрипичный концерт, Седьмую сонату для фортепиано.

В 17 лет я увлёкся джазом : Элла Фицджеральд, оркестры Дюка Эллингтона, Каунта Бейси, Гленна Миллера. Особенно меня пленил пианист Дэйв Брубек. Я часами

импровизировал на фортепиано в его стиле. Два лета подряд, в 1962 и 1963 годах, я играл в любительском диксиленде на танцплощадке в Белгороде-Днестровском, где к тому времени уже поселились на пенсии мои родители. С гордостью я принёс домой в 18 лет свою первую зарплату.

Очень важным стало для меня знакомство с Соломоном Волковым. Он, как и я, жил в интернате. Его культурный багаж был несоизмеримо больше моего. А с его товарищем Юрием Кочневым мы даже пытались написать вместе квинтет.

В последних классах школы я открыл для себя новую западную музыку. Среди особенно впечатливших меня сочинений были : "Море" Дебюсси, "Дон Жуан" и "Тиль Уленшпигель" Рихарда Штрауса, Третья и Девятая симфонии и "Песни об умерших детях" Малера, Третья симфония Онеггера, "Траурная музыка", "Метаморфозы на темы Вебера" и Третья фортепианная соната Хиндемита, Концерт для оркестра и Четвёртый и Пятый квартеты Бартока, Фортепианная соната Барбера, "Вариации на тему Перселла" Бриттена, многочисленные сочинения Стравинского (особенно "Весна священная" и "Симфония псалмов").

Мой педагог Комиссаров был замечательным скрипачом. Я до сих пор с трепетом вспоминаю его показы на уроках и его немногочисленные концерты. Ему удалось за 5 лет довести меня до приличного уровня. Я за это время переиграл немало разной музыки, но осталось в памяти лишь немного : Первая соната для скрипки соло Баха, первая часть Второго концерта и "Скерцо-Тарантелла" Венявского, первая и последняя части "Испанской симфонии" Лало, первая часть Первого концерта Паганини, концерт Мендельсона и несколько мелких пьес.

Композицией в те годы я практически не занимался. Однако, решив поступить на два факультета в консерваторию, я срочно написал весной 1963, за несколько недель до экзаменов, небольшой струнный квартет (opus 10) и две прелюдии для фортепиано (opus 11). На вступительном экзамене по скрипке я играл две части из Первой сонаты Баха для скрипки соло и первую часть Первого концерта Паганини.

Тем же летом меня приняли в Ленинградскую консерваторию на два факультета : в класс скрипки моего школьного учителя Марка Михайловича Комиссарова и в класс композиции Вадима Николаевича Салманова. Его ораторию "Двенадцать" по Блоку я тогда уже знал. Она мне очень нравилась.

Консерватория

В консерватории я сразу же серьёзно увлёкся сочинением. Салманов оказался педагогом динамичным и требовательным. Его похвала окрылила меня. Занятия скрипкой я быстро забросил, и через год ушёл со скрипичного факультета, о чём потом очень сожалел. Композитору нужно владеть фортепиано, и я стал усиленно заниматься на этом инструменте. В основном, чтением с листа. Мы много играли с друзьями и в четыре руки. Большею частью классику от Баха до Малера. Постоянными моими партнёрами стали Наталия Фирдман, моя будущая жена, Геннадий Банщиков, Леонард Холостяков и Валерий Майский. Они меня многому научили.

На второй год обучения в консерватории я открыл для себя Скрипичный концерт Альбана Берга. Это стало таким же важным событием, как открытие музыки Шостаковича за несколько лет до этого. В течение семи лет, в консерватории и

аспирантуре, моей композиторской "пищей" стали Нововенцы, особенно "Просветлённая ночь" и Пять пьес для оркестра Шенберга, "Пассакалия" и некоторые вокальные опусы Веберна, Соната для фортепиано, Три пьесы для оркестра, Камерный концерт и "Воцек" Берга.

Летом 1964 года я съездил со студенческой фольклорной экспедицией на Смоленщину. Фольклор и его собиание мне показались скучным делом. Лишь 10 лет спустя, во Франции, я понял какой сокровищницы коснулся.

В том же году я написал музыку к любительскому короткометражному фильму "Живая вода". Фильм получил первую премию на всесоюзном конкурсе любительских фильмов, и меня стали приглашать писать музыку к фильмам. До моего отъезда из СССР я написал музыку к десятку фильмов, большей частью документальных.

Во время обучения в консерватории и аспирантуре я близко сошёлся с целым рядом молодых композиторов. Среди них : Геннадий Баншиков, музыку которого я знал уже в школе, Сергей Баневич, Рейн Лаул, Александр Кнайфель, Татьяна Воронина, Борис Тищенко и московский композитор Юрий Буцко. Все они повлияли на меня. Однако напрямую на мой музыкальный язык, в середине шестидесятых годов, повлияла лишь музыка Баншикова.

В те же годы я подружился со скрипачом Филиппом Хиршхорном. Он сыграл мой скрипичный концерт и несколько других пьес. Его тонкая, экзальтированная игра вибрирует во мне до сих пор. Я познакомился также с ленинградским музыковедом Михаилом Григорьевичем Бяликом. Мы с ним близки и по сей день.

Из консерваторских педагогов, помимо Салманова, особенно запомнились мне Иза Давыдовна Ханцин, у которой я занимался в классе общего фортепиано, Борис Александрович Арапов, с ним я занимался оркестровкой, Михаил Семёнович Друскин и Павел Александрович Вульфius, оба читали лекции по истории зарубежной музыки.

Ещё в детстве я пристрастился к чтению. Мама мне много читала вслух, в основном русскую поэзию, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В Воркуте моими любимыми писателями были Джек Лондон, Александр Беляев, Жюль Верн и Александр Дюма. В консерватории сложился окончательно круг моих любимых авторов. В него вошли Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Платонов, Мандельштам, Ахматова, Булгаков, Моэм, Томас Манн, Ремарк, Гессе, Стефан Цвейг и Лорка.

Центральным событием консерваторских лет стала премьера моей камерной оперы "Двое". Либретто написал Соломон Волков, оперу поставил Виталий Фиалковский, а дирижировал спектаклем Юрий Кочнев. Опера получила премию на конкурсе центрального телевидения в Москве. По ней был снят фильм.

Консерваторию я окончил с красным дипломом в июне 1968. Салманов подарил мне на окончание большую партитуру "Тристана". В аспирантуру я поступил к нему же. Я его очень любил. В аспирантуре, как это было принято, я стал играть роль ассистента. В одно время я даже занимался отдельно кое с кем из его учеников, с теми, у кого композиция шла хуже.

Перед отъездом во Францию Салманов подарил мне свою фотографию с надписью "Искренне хочу, чтобы жизнь Вам улыбнулась". О своей последней Четвёртой симфонии он написал мне : "Это моя лебединая песня". Мы переписывались с ним до его смерти, наступившей 27-го февраля 1978 года в самый разгар моей глубочайшей депрессии. Много лет спустя его вдова Светлана Владимировна мне скажет : "Он Вас выделял."

К окончанию аспирантуры в 1971 году я уже, как мне казалось, был вполне сложившимся композитором. Было написано уже больше 50-ти сочинений (включая детские и киномузыку). Я был принят в Ленинградский Союз композиторов и преподавал композицию в той же школе, где учился. Некоторые из моих учеников стали впоследствии профессиональными композиторами : Александр Радвилевич, Ольга Петрова, Ирина Цеслюкевич, Андрей Микита, Александр Мекаев и Мария Леонтьева. Параллельно мне дали несколько часов оркестровки и чтения партитур в консерватории. Мою музыку исполняли известные ленинградские музыканты. Центральным событием этого периода стали премьеры моего Скрипичного концерта и Симфонии, исполненных оркестром Ленинградской филармонии.

На перепутье

Несмотря на, казалось бы, успешную профессиональную карьеру, я был неудовлетворён и собой, и своей музыкой. В официальном советском искусстве я был разочарован уже давно, а Нововенская школа, особенно её додекафонный период, начали сковывать меня.

Но, пожалуй, самым трудным оказалось осознание, что мне не хватает настоящих духовных ориентиров. Пока я учился, это казалось неважным. Я стал читать книги о религиях, философию. Без всякого разбора, всё подряд. К сожалению книг о христианстве почти не было в продаже, но зато уже издавались небольшими тиражами книги о Востоке. Особенно привлекли меня буддизм и древнекитайские тексты (Ши-Цзин, Дао де Цзин и Книга перемен). Это, мне кажется, и легло в основу моего миропонимания.

Постепенно пришёл интерес и к восточной музыке : Япония, Тибет, Китай. Особенно меня поразила музыка Индии : вокальная (Братья Дагар) и инструментальная (Рави Шанкар). Я стал импровизировать на рояле нечто похожее на раги. Тогда же я познакомился с певцом из Бенареса Гаутамом. Он был командирован в нашу страну для изучения советского музыкального образования. Мы пытались музицировать вместе. Рядом с ним я вдруг увидел, насколько все мы, советские музыканты, и вся наша музыка переполнены жестокостью и себялюбием.

Одновременно в мой музыкальный мир ворвалась рок-культура. Она распространилась с невероятной скоростью в Советском Союзе в начале 70-ых. Больше всего меня задел Битлз, Роллинг Стоунз, Дженис Джоплин, Джими Хендрикс и всевозможные блюзы. В этой музыке была какая-то новая правда. Я стал играть на рояле в рок-группе, в которой было две гитары, бас, ударные и я. В основном мы играли бесконечные

инструментальные импровизации. Интерес к рок-культуре неожиданно исчерпался через года полтора.

Пытался я по-прежнему искать и в классической сфере. Польский авангард, Булез, Штокхаузен, Лигети, Ксенакис, Берио. Я прилежно слушал записи, изучал партитуры. Но войти в эту музыку мне не удалось. Мне показалось, что ей нехватает гармонии, и в прямом смысле, и в музыкальном. Тогда же во мне усилился интерес к французской музыкальной культуре, как альтернативе в какой-то степени немецкой. Я стал слушать музыку Мессиана. В его гармоническом языке была тайна. Я много читал о его классе в Парижской консерватории. Мне хотелось у него учиться, но это было невозможно. Как и большинство советских людей того времени, я был невыездным.

Это время оказалось трудным для меня и в личном смысле. В 1968 году, после долгой и мучительной болезни, умерла моя мама, в 1969 мой отец. А в 1971 году я разошёлся со своей женой пианисткой Натальей Фирдман (Арзумановой), ныне профессором Санкт-Петербургской консерватории. Мы прожили вместе около четырёх лет, детей у нас не было. Мы познакомились ещё в интернате. Её замечательная фортепианная игра и сегодня звучит во мне. Примерно в то же время я близко сошёлся с пианисткой и детским музыкальным педагогом Ирэнной Ясногородской. Её оригинальная личность тоже сильно на меня повлияла.

В феврале 1973 года я познакомился со студенткой из Франции Катрин Бадур. Через год мы поженились. Не буду описывать, с какими трудностями я столкнулся, решившись на этот шаг. Меня исключили из Союза композиторов и уволили с работы. Но всё-таки мне дали паспорт на постоянное жительство во Франции, и летом 1974 года я оказался в Париже.

Париж

Мы с женой сняли небольшую квартиру в 9-ом районе города, на улице Ламартина. Я сразу же нашёл работу аккомпаниатора в студии классического и характерного танца Ирины Гржебиной. С профессией аккомпаниатора танца я познакомился ещё в Ленинграде. Во время учёбы в консерватории подрабатывал в течении трёх сезонов в балетных кружках. В Париже это умение пригодилось. По нотам я старался не играть. В основном импровизировал.

Мечта о классе Мессиана вспомнилась, и осенью того же 1974 года мне удалось показать мэтру мой Скрипичный концерт (опус 38) и вокальный цикл "Красная флейта" (опус 52). Музыка моя Мессиану понравилась. Частных учеников он не брал и предложил мне поступать в его класс в консерватории. Мне было уже 30 лет. К счастью я согласился. То, что я учился у Мессиана в Парижской консерватории очень мне помогло впоследствии в трудоустройстве.

Обеспокоенный почему-то экзаменом по сольфеджио, который считался трудным, Мессиаан стал приходить на полчаса раньше, чтобы давать мне и молодому Французу Филиппу Фенелону аккордовые диктанты. Слух у Мессиаана был невероятный. Из его мягких, плотных, медлительных пальцев потихоньку выплывали аккорды из 5-6 нот.

Каким-то чудом я их слышал. Это была странная подготовка. Ничего подобного для экзамена по сольфеджио не требовалось. Мы писали обычные картонные, кажется трёхголосные, диктанты.

Приёмные экзамены состоялись в начале ноября. В класс композиции Мессиаана в этот год были зачислены француз Филипп Фенелон, американец Джеральд Левинсон, японец Юниши Нияши и я.

Класс у Мессиаана оказался большим. В основном это были иностранцы. Приходили в его класс показывать свою музыку и всемирные знаменитые уже тогда Штокгаузен, Ксенакис, Берио, Денисов, и недавно окончившие ученики Гризе, Мюрай, Левинас, Таира. Студенты ориентировались в основном на их стили. Мне же эта музыка ничего не говорила и ещё со времён аспирантуры.

Сам же Мессиаан, его личность и его преподавание прорастали во мне всю мою жизнь. Его анализы классиков значительно углубили моё понимание музыки в целом, а его теория ритма помогла мне подвести базу под мои беспорядочные искания в этой области. Кроме того, в классе изучался мировой фольклор. В основном примитивы : музыка Полинезии, Африки, южноамериканских индейцев. В перенаселённом Париже эта музыка воспринималась как горный воздух. Однако, не знаю почему, музыка самого Мессиаана, несмотря на то, что он её часто показывал и анализировал, не ложилась тогда в мои уши.

Живя в Париже, вдали от родины, я вдруг стал видеть себя и своё советское прошлое как бы со стороны. Катрин, влюблённая в русско-советскую цивилизацию с 12-ти лет, по-прежнему училась на факультете русского языка в университете. Мы оба много читали : русскую классику (Толстой, Достоевский, Бунин, Чехов, Мельников-Печерский, Лесков) и запрещённых тогда в СССР Солженицына, Максимова, Синявского, Гроссмана, Евгению Гинзбург, Платонова, Шаламова, Надежду Мандельштам, Бердяева, Бродского... Постепенно я стал смотреть на свою страну её глазами. Я начал понимать, насколько же уникальна, при всех её извращениях и ужасах, советская цивилизация, непосредственно вытекающая из русской, несмотря на её глубинные связи с Европой, а может и благодаря им. Русские и советские песни, фольклор, русская и советская музыка зазвучали во мне с новой силой.

Появился у меня интерес и к музыке Православной церкви. Начиная с зимы 1974-1975, в течении полутора лет, я пел в церковном и в светском хорах собора Александра Невского в Париже. Хорами управлял выдающийся музыкант Евгений Иванович Евец. Больше всего полюбился мне литургический репертуар 19-го и начала 20-го веков : Архангелский, Львов, Кастальский, Чесноков. Эта музыка настраивала на покаяние. Я стал посещать лекции по богословии и литургии в Свято-Сергиевском православном богословском институте.

Интерес к индийской музыкальной культуре снова проснулся. Мы с Катрин стали ходить на концерты индийской музыки в музее Гиме, и я начал брать уроки индийского пения у замечательного слепого ситариста из Непала Нарендры Батаджу. Изучать индийскую музыкальную письменность и учиться играть на ситаре мне показалось бесперспективным. Меня интересовал лишь смысл этой музыки и её технология в

целом. Впоследствии мы с Батаджу подружились, и Катрин неоднократно устраивала его концерты на фестивале “Брельская Весна” в Ё, которым она занималась в течении 12-ти лет.

Я купил фолк-гитару, своим металлическим звуком напоминающую индийский ситар. Оставил на ней всего лишь три струны : бас, квинту и верхнюю октаву. Играл на ней, как и в Ленинграде, нечто похожее на раги. Постепенно я начал петь сам, отталкиваясь от пения братьев Дагар. Пел я свои “раги” и на нескольких концертах сочинений студентов консерватории на Радио-Франс. Эти концерты транслировались по всей стране. Рядом с предельно усложнённой музыкой студентов, мои “раги” казались, наверное, бредом сумасшедшего. Однако Мессиаан меня поддерживал, но считал, что и эту музыку нужно записывать. Как-то раз, после очередной “раги”, спетой мэтру в классе один на один, он сказал мне : “Вот видите, эта музыка уже пропала навсегда !” Но писать ноты я физически не мог.

Чтобы получить диплом консерватории, я был обязан написать оркестровое сочинение. Мессиаан спросил, есть ли у меня что-то старое. Я принёс партитуру “Двух пьес памяти Берга” для большого орchestra (opus 44), написанных ещё в 1970 году в аспирантуре. Салманову это сочинение не понравилось. Я положил его в стол. В те годы у него уже начался период возврата к простоте. Просмотрев партитуру, Мессиаан обрадовался и предложил мне, чтобы мы исполнили это сочинение на экзамене. Но начинать свою французскую творческую жизнь с подлога мне не хотелось. Во мне уже звучало всюю покаяние. Так и я не получил диплома Парижской консерватории. Впоследствии, через 15 лет, мне всё-таки его дали, как эквивалент ленинградскому.

В сентябре 1975 года Катрин предложили место преподавателя русского языка в лицее небольшого нормандского городка с невозможным для русского слуха названием «Еи» (это нечто вроде очень твёрдого русского Ё). В декабре того же года у нас родилась дочь Вера. Жить в Париже становилось всё труднее и труднее. Ездить из Нормандии в Париж оказалось накладно. Я ушёл с работы и постепенно забросил консерваторию.

Париж полюбить мне не удалось. Впрочем и в Ленинграде я никогда не чувствовал себя дома. Моё детство прошло в крошечном посёлке Предшахтная возле Воркуты. За окнами были териконники и тундра без конца и без края. Полвека спустя мы с Катрин и с нашим младшим сыном Жаном съездили туда. Наши бараки давно исчезли. На их месте теперь полупустые многоэтажки умирающего города. Там я окончательно понял, что это и есть моя земля, моя родина.

Нормандия

Жить во французской провинции тоже оказалось очень трудно. В 1977 году у нас родился сын Серёжа. Работы для меня не было. 1978 год в моей жизни – переломный. Я пережил очень тяжёлый духовный кризис, после которого вернулся в мир верующим.

Летом того же года я познакомился с французским сказочником Брюно Де ля Саль. Он ездил, рассказывая сказки, свои и народные, по всей стране. Я стал ему аккомпанировать на моей трёхструнной гитаре. Рассказывал он замечательно, но я

конечно же понимал далеко не всё. За два сезона (1978 и 1979) мы дали около 50-ти концертов. В поездках я узнал и полюбил Францию.

Музыкальная же привязанность к стране пришла в первую очередь благодаря Катрин. Она много пела детям, в основном французские народные песни. С её пением как будто влилась в меня душа Франции. Постепенно и классическая французская музыка зазвучала во мне иначе, особенно Берлиоз, Бизе, Франк, Форе, Дебюсси и Равель.

Наше сотрудничество с Брюно продолжалось несколько лет. Я играл на гитаре и на рояле в его различных спектаклях. Для своего “Центра устной литературы” в Шартре он предложил мне работать над темой “Связь слова и музыки”. Работать было интересно. В результате этой работы, вероятно, мне захотелось и в моём собственном творчестве объединить эти две линии. Я стал сочинять стихи и песни на собственные тексты, аккомпанируя себе на шестиструнной на сей раз гитаре. В этой новой для меня деятельности мне сильно помог литературовед Ефим Григорьевич Эткинд. Ему нравились мои стихи, и он даже организовал один из моих немногочисленных песенных концертов в Париже.

В 1979 у нас родилась дочь Анна, а в 1981 мы купили дом в Ё. Жизнь стала входить в более спокойное русло.

Песенный и поэтический период растянулся почти на семь лет. В 1985 я вновь неожиданно для себя стал записывать на бумаге музыку. Я не писал ноты с 1973 года. Сначала – небольшие фортепианные пьесы, потом – вокальные и хоровые сочинения в основном на свои собственные тексты. За ними последовали камерные и инструментальные. Этот поток продолжается и по сей день. За это время написано более 200 сочинений в самых различных жанрах.

В 1989 родился наш сын Жан, и примерно с того же времени снова стали играть понемногу мою музыку в СССР. Особенно благодаря Юрию Буцко в Москве. Там я познакомился и подружился с московскими композиторами Андреем Головиным, Михаилом Коллонтаем и Артёмом Агажановым. Примерно тогда же меня восстановили с извинениями в Ленинградском Союзе композиторов. Параллельно моя музыка зазвучала и на Западе. Появился целый ряд друзей-исполнителей. Назову некоторых из них : пианисты Андрей Диев, Женеьев Жирар, Михаил Коллонтай, Сара Кромбах, Андрей Микита (мой бывший ученик по композиции), Сергей Мильштейн, скрипачи Елена Денисова, Александр Гершович, Гидон Кремер, Семён Меерсон, Александр Мельников, Мария Мильштейн, Алексей Мошков, Александр Скворцов, Надежда Токарева, Ольга Янович, альтисты Ливиу Станез, Наталья Толстая, Сабин Тутен, виолончелисты Григорий Алумян, Александр Дмитриев, Вилли Гийом, Сергей Судзиловский, флейтист Патрис Киршов, кларнетисты Жан-Люк Лампл, Нусрет Испир, гитарист Ален Ризуль, певицы Софи Бойе, Елена Либерова...

В 1991 меня пригласили работать художественным руководителем в Национальную музыкальную школу в городе Нотр-Дам-де-Граваншон (недалеко от Гавра). В мои обязанности входила организация концертов школы и сочинение музыки к детским спектаклям. Двумя годами позже я параллельно начал преподавать анализ в Руанской консерватории. Там я проработал 15 лет. С преподаванием анализа завершилось,

наконец, моё музыкальное образование. В эти же годы я сдружился с английским священником, поселившимся в Дьеппе, Питером Роузом. Этот замечательный человек помог мне завершить и мои многолетние духовные поиски. С 2008 года я уже на пенсии. С 2008 по 2013, уже будучи пенсионером, я преподавал анализ и композицию в музыкальной школе города Дьеппа.

С 2014 года я не работаю нигде. Наконец я смог снова полностью погрузиться в сочинение музыки. Мы живём по-прежнему в Ё. У нас уже восемь внуков. Уже четверть века я дружен с французским композитором Антони Жираром. Мне очень нравится его музыка. Она всё больше и больше влияет на моё творчество своей интенсивной красотой, гармонической чистотой и прозрачностью. Мне кажется, она является сегодня воплощением тех французских духа и культуры, о которых я мечтал в молодости в Ленинграде.

Вот уже 40 лет, как мы поселились в Нормандии. Я полюбил этот край. Просторные пляжи с причудливыми камнями и девственным песком на отливах, море постоянно меняющее свой цвет, отвесные меловые скалы, буковые леса, небольшие курортные городки с кокетливыми виллами, древние церкви, часовни, холмы, зелёные луга, мирные коровы, рыбаки, продающие в порту свой улов, и этот неповторимый нежный нормандский свет. Здесь нам было хорошо. В нашем доме мы живём уже 35 лет. В нём выросли наши дети, теперь сюда приезжают наши внуки. Здесь мне спокойно и продуктивно работалось. Теперь у нас здесь много друзей : французы, русские, венгры. В Дворцовом Театре нашего городка состоялись мои самые важные премьеры последних лет. Я благодарю судьбу, что мне это всё было дано.

Сегодня, размышляя над своей музыкальной судьбой, я себя спрашиваю : а нужно ли было всё это ? Многие из моих друзей-композиторов прошли более прямой и спокойной дорогой. Мне всё-таки кажется, что все мои « броски в неизвестное » таинственно сплавились в единое целое. Главное место в этом сплаве всё-таки занимает классика.

Ещё в школе я постоянно составлял списки любимых композиторов. "Лидировали" попеременно Бах, Бетховен, Чайковский и Шостакович. Сейчас с разной степенью близости он бы состоял из следующих имён : Бах, Барток, Берг, Берлиоз, Бетховен, Бизе, Брамс, Брухнер, Вагнер, Вебер, Верди, Гайдн, Глинка, Дебюсси, Лист, Малер, Мендельсон, Мессиян, Мусоргский, Прокофьев, Пуччини, Равель, Сибелиус, Стравинский, Форе, Франк, Шопен, Шостакович, Штраус, Шуберт, Шуман и Чайковский.

Но я уверен, что без русского фольклора, мирового, индийской музыки, музыки Православной церкви, отчасти джаза и рок-музыки, я бы никогда не нашёл свой путь.